

ГЛУПЫЙ ПЁС

Идёт война, и в центре Зодиака
Бродячий пёс по имени Собака
Поёт романс – навывлет и навзрыд.
Повсюду кровь, воинственные лица.
Ужели не пора остановиться ? –
Сократа* нет и Стоунхендж** закрыт!
Посажен на зарплату прокуратор.
Уже казна актирует затраты.

Голгофа ждёт –
И это не вопрос!
Отравлен мозг тюремною неволей,
Народ вполне любой доволен долей.
И только пёс
чужой страдает болью.
О чём он плачет,
этот глупый пёс?

*Сократ – философ, мудрец.

** Стоунхендж – древняя обсерватория, окно в космос

РОЗА

В нашем ревзаповеднике все с револьвером –
Кто-то прячет его за пазухой, кто-то – в мозги.
И только странная тётка по имени Вера
Говорит непонятное –
слепота, это когда внутри ни зги.
Дескать, скоро придёт другая тётка –
По имени Роза.
Она не женщина, она – Люксембург!
Дескать, в одной руке у неё плётка,
В другой – пряник. Роза – наш демиург,
наша песня революционная «Мурка»!

Приходи, Роза –
мы не можем
без демиурга!

УВАЖАЮ!

В пору бархатных перелётов на юг
И борьбы с урожаем,
Уважаю всех, кто вокруг
И тех, кто выбыл на юг –

Уважаю!
Только не помню, за что!
А вспомнить бы не мешало!
Впрочем, все мы ангелы,
Если выдернуть жало.
Все замечательно хороши – без исключений!
Каждый – Наполеон, на худой конец – просто гений!
– Наполеон у нас, он в какой палате?
– В любой! Вон идёт в смокинге, пиджаке,
В шлёпанцах и домашнем халате.
Главное, все гордятся собой,
Все гордятся страной,
И это подобно чуду!
Уважаю! Правда, не помню, за что.
Да и вспоминать
не буду!

ВЫБОРЫ

Утонуть в пропаганде – ни с чем несравнимый кайф!
В её арбузном нутре Иов* кушает гербалайф.
Пристроишься рядом и тоже почтёшь за честь
Таблеточку счастья за девственность мира съесть.
В арбузной мякоти – розовый сахарный свет,
И ничего лишнего, ничего личного – нет!
И вот уж нас много – пионерский отряд!
Здесь от знания незнанием тебя оградят.
Будешь как все – ни с чем несравнимый кайф!
Кушай, деточка,
Вот таблеточка –
Гербалайф!

* Иов – святой, которого бог за его веру спас из чрева кита

УЖЕ ОСЕНЬ

Я брожу до утра. Я встаю в темноте –
Ворошить неудобные мысли.
Времена и друзья, и дороги – не те,
На каком языке* не исчисли.
Вот бы вылечить душу живую водой
Да ромашкой, да мятой душистой –
Только осень уже. Только пахнет бедой.
Только ветер гуляет, неистов.
Только мир этот вновь (навсегда молодой!)
В сердце ломится
Зверем когтистым.

* – имеются в виду языки программирования – бейсик, фортран, алгол и другие.

В РОДНОМ СЕЛЕ

Всё так же в галактических мирах
Моё село – детёнышем в горах.
Гуляет август зло и разноцветно.
Сегодня в измерении ином
Целую в сердце солнечное лето –
Тут спят мои родные вечным сном.
Здесь время льётся медленно, как мёд,
Струится ветер, паутинка льнёт,
И тишина течёт неторопливо.
Полынный дух врывается в простор
Предгорного горячего разлива.
Спит вечность на вершинах синих гор.
Целую в сердце
Солнечное лето!

Алтай, Солоновка, август, 2016 г

СМЕРТИ НЕТ

Памяти Ю.А.Ковриги

Всё пройдёт. И жизнь пройдёт, как Наска.
Всё пройдёт, безвестно канет в Лету.
Смерти нет. Кто был, тот станет сказкой –
Двойником фотона*, квантом света.
Воскресенье. Августа затишье.
Еле слышным звоном колокольным
Пролетела Вечность по-над крышей,
Пролетела Вечность – божья птица –
Высоко, серебряно,
привольно.

* Тот Свет находится за горизонтом событий – то есть, на входе в чёрную дыру. Там заканчиваются все события нашего физического мира. При переходе этой границы неделимая пара микрочастиц (то, из чего состоит материя, в данном случае – астральный двойник человека) делится на два объекта. Один (с отрицательным зарядом) уходит внутрь чёрной дыры, и для него, фактически, ничего не происходит – он остаётся таким, как был, а другой излучается вовне в виде фотонов, то есть, в виде света. (Излучение Хокинга)

МЫСЛЬ

Стрела – летучей мысли слог,
Твой путь далёк. Твой путь жесток.
Мелькают ночь и день, и тень и свет.
Лети! Ведь ничего прекрасней в мире нет!
И ничего ужасней нет!
Достигнешь цели, душу ранишь влёт!
Сквозь кожу болью продираясь,
Взойдёт цветок – жестокий плод,
Отправленный в полёт,
В неведомый предел.

Так мысль рождает мысль.
Поберегись!
Здесь миллионы стрел!

КТО ТАКОЙ ШУКШИН?

Наверное, многим покажется странным вопрос, обозначенный в заголовке. Кто же не знает Шукшина? Василий Шукшин – имя, известное не только в России, но и во всё мире. Знаменитый режиссёр и актёр, писатель, прошедший через горнило Красной эпохи, когда даже на его родине, в Алтайском крае, в газете «Алтайская правда» и других периодических изданиях публиковались «Письма трудящихся», возмущённых его фильмами, и особенно доставалось «деревенским» «Печкам-лавочкам». Какой только ахинеи не изливалось из уст блюстителей социалистической идеологии – дескать, извратил, опошлил, осмеял, умалил культурные и прочие достижения социалистического сельского быта, свершившиеся под руководством мудрой Партии и её руководителей!

Сейчас смешно вспоминать всю эту вакханалию, но в те времена, в начале семидесятых, вот такие «Письма трудящихся» весьма трагически отражались на судьбах творцов – писателей, режиссёров, актёров, художников.

Как оказалось, Красная эпоха догоняет Шукшина и сейчас – когда прошло более сорока лет после его смерти. Недавно на странице сайта «Русский переплёт», где расположена статья А.Заболоцкого – приложение к его книге «Шукшин в жизни и на экране» («Роман-газета», №10-1999 г.) я обнаружила текст писателя Фридриха Горенштейна, который озаглавлен «Вместо некролога на смерть Василия Шукшина». Этот небольшой текст, в котором Шукшин представлен чёрным демоном зла, таким новым Распутиным, в мозгу которого «... искренняя ненависть к своим отцам... преобразовалась в искренность вообще», вот этот текст дышит таким же патологическим неприятием Шукшина, каким отличались и пресловутые «Письма трудящихся».

И не надо списывать чёрный негатив Фридриха Горенштейна по отношению к Шукшину, типа фраз «Что же представлял из себя этот рано усопший идол?» на то, что Горенштейн перенёс своё негативное отношение к стране (СССР) и на того, кто был частью её народа, носителем народного характера. Нет! В статье Горенштейна, как раз слышен голос тех самых «трудящихся»,

которые и были – плоть от плоти страны советов. Его голос – полностью, до последней буквы совпадает с мнением официоза, господствовавшего в то время по отношению к Шукшину.

Горенштейн, считавший себя истинным интеллигентом, стоявшим НАД теми, кого он называл «низами», в действительности был продуктом страны, в которой жил и из которой эмигрировал в Австрию в 1980 году, и патологическое неприятие Шукшина, как мне кажется, как раз и кроется в его любовном слиянии с официозом.

Кто он, этот Фридрих Горенштейн? Он писатель, не лишённый таланта, признанный в узких кругах литературной элиты, но не достигший славы Шукшина – пусть эта слава шла через преграды официоза, но для народа Шукшин стал заметен с первого его появления на экране, например, в фильмах «Золотой эшелон», «Простая история», «Когда деревья были большими». А после первых его режиссёрских работ «Ваш сын и брат» и «Живёт такой парень» люди почувствовали родство с характером сибиряка-режиссёра и его героями, которое только крепло от фильма к фильму.

Вот это родство душ – явление нерушимой корневой связи, глубинной мечты о вольной жизни, независимости, и в то же время подвига во имя кровного народного братства – всё это, бродившее в народе со времён крестьянских бунтов, почувствовали те самые «низы», над которыми воздвигал себя Горенштейн, и с которыми кровными узами был связан Шукшин. Горенштейн – чужой, и Шукшин – свой! И Горенштейн, неглупый человек, прекрасно понимал это, как и службисты партийной идеологии! Именно от них и шло патологическое неприятие Шукшина, как носителя народной неиссякаемой силы, векового Духа Свободы!

Сам же Горенштейн, судя по его опусу, мыслил как раз в рамках официоза, то есть в парадигме низкосортности всего народного. Да, народное творчество есть, но оно допустимо только в рамках самодеятельности. Если же некто, тот же Шукшин, прорывается в профессионалы, требуется держать его в ежовых рукавицах. Тут и возникают «письма трудящихся» и сочинители горенштейны.

Так что словесная пуля, посланная вдогонку ушедшему Шукшину, скорее всего, политический заказ, который добросовестно выполнил старательный Горенштейн, зарабатывая баллы для собственного рейтинга в глазах хозяев страны. Как говорится, ничего личного – работа такая! Вполне возможно, что таким образом и была заслужена возможность перебраться на жительство в благополучную Австрию.

Прошло время, и официоз, ненавидевший в Шукшине его глубинного Степана Разина, канул в небытие. А Шукшин с его внутренней силой, энергией сибирских предков – энергией жизни, победил и подлое время и горенштейнов, и собственную смерть!

